



В.Н. Ткачева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

«ПУШКИНСКИЙ МИФ» В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧУЖОЙ РЕЧИ

В статье определены факторы комплексного использования способов передачи чужой речи. Мотивировано доминирование свободной прямой речи и несобственно-прямой речи в рассказе Т. Толстой «Сюжет». Рассмотрено взаимодействие композиционно-речевых сфер автора, персонажа в современном тексте.

Современная проза, чужая речь, конструкция с прямой речью, диалогическое единство, несобственно-прямая речь, композиционно-речевые автономии, «пушкинский» миф.

В современной прозе формируется «пушкинский миф», что проявляется в возникновении сюжетов, связанных с субъективной реализацией образа великого поэта в творчестве ряда писателей, его символизацией; в явном и скрытом присутствии цитат из пушкинских произведений и создании легенд об исходе дуэли, предполагающих иной исход или воскрешение Пушкина [18, с. 143–145]. Одним из текстов, моделирующих миф о Пушкине, является рассказ Татьяны Толстой «Сюжет» (1991 г.) [16]. В ее творчестве очевидно присутствуют такие особенности современного текста, как актуализированный диалогизм, создание модальных сдвигов в плане реальности/ирреальности, языковая игра [13, с. 314, 316], пронизанность текста широкими литературными ассоциациями и др. [18, с. 143]. Анализируя особенности лингвоэтики в творчестве Толстой, исследователи обращают внимание на метафоричность ее повествования [17], заумное конструирование текста [3], конвергенцию стилистических приемов [12]. Писательница сознательно демонстрирует в прозе языковые изменения. Говоря о литературе начала XX в., она признавалась: «...стиль, лексика, синтаксис – все другое, все меняется ...» [15, с. 6].

Особенности прозы конца XX – начала XXI в., выявленные литературоведами, подробно описаны, однако необходимо отметить недостаточное лингвистическое осмысление современных художественных текстов. Языковые сдвиги обнаруживаются не только на лексическом уровне [19; 20; 22], но и на синтаксическом, в частности при передаче чужой речи (ЧР).

Благодаря лингвистической интерпретации современной прозы выявлены такие тенденции ее синтаксической организации, как аналитизм, склонность к визуализации текста [1; 23], появление аномалий на уровне высказывания и текста [2]. Среди способов передачи ЧР выделяются как сугубо синтаксические (конструкции с прямой и косвенной речью, свободная прямая речь, диалогическое единство), так и стилистические (несобственно-прямая речь) и текстовые феномены (тематическая речь, диалогема). Они были исследованы преимущественно на материале классической прозы [5; 8; 9; 14; 21]. Их анализ в современных художественных текстах является актуальным

для русистики, однако во многих современных исследованиях наблюдается противоречивость и неточность терминологии.

Представляется, что, рассматривая способы передачи ЧР, необходимо учитывать триаду *язык – речь – текст*, не ограничиваясь исключительно уровнем высказывания. Это связано в том числе и с важнейшей особенностью современной прозы – изменением образа автора и читателя [7; 11]. Осмыслить эту проблематику возможно благодаря обращению к концепции композиционно-речевых автономий профессора С.Г. Ильенко, в которой раскрывается взаимодействие автора, персонажей и читателя. Следует отметить возрождение интереса к самой проблеме образа автора. Профессор Ильенко подчеркнула, вслед за В.В. Виноградовым [4], необходимость дифференциации понятий *образ* и *облик* автора [8]. Кроме того, она углубила представления о принципах анализа ЧР в художественном произведении: учет соотношения монологической и диалогической форм речи, взаимообусловленность способов передачи ЧР и функционально-композиционных типов речи, а также подчеркнула необходимость перехода от изолированного рассмотрения конструкций с ЧР к их системному анализу, а также анализу речевого поведения.

Руководствуясь указанными принципами, рассмотрим специфику представления чужой речи в рассказе Толстой «Сюжет», не потерявшем своей актуальности для лингвистического анализа. В рассказе описывается воображаемая встреча двух исторических персонажей – пожилого Александра Сергеевича Пушкина, выжившего после дуэли, и подростка Владимира Ульянова. Текст анализируемого рассказа также насыщен литературными реминисценциями, при этом цитаты не атрибутируются автором. В этом проявляется представление современных прозаиков об образе идеального читателя, способного расшифровать правила т. н. «игры в классики» [18].

Название рассказа ориентирует на вымышленность описываемых событий, их вариативность, краткость и возможную сбивчивость повествования, ведь сюжет, согласно данным «Литературной энциклопедии», – «отражение динамики действительности в форме разворачивающегося в произведении действия,

<...> событий <...> составляющих некоторое законченное целое» [6].

Небольшой рассказ Толстой сложен своей композиционно-речевой организацией. Это третьеличное повествование, не исключающее смены ликов повествователей. Лик автора, пронизанный узнаваемой сказовой манерой Толстой, мотивирует использование разговорной, просторечной лексики при изображении речи персонажей и сопровождающих ее невербальных средств (мимики, жестов). Разнообразие репрезентации речи, которая приписывается персонажам, повествователю, намеренно вступает в противоречие с традиционными читательскими ожиданиями о способах ее передачи.

Собственно синтаксическим способом передачи ЧР является конструкция с прямой речью (КПР): она состоит из двух частей (прямой речи и слов автора). В рассказе она представлена как изолированно, так и в качестве комментированной реплики диалогического единства. Профессор С.Г. Ильенко не только обратила внимание на прямую речь, но и охарактеризовала специфику слов автора, отметив их языковую стабилизацию и речевую (указание на характер говорения) и текстовую (изображение жестов и мимики) реализацию [8, с. 495–497]. В рассказе отмечается их варьирование, а также расширение слов автора, подробно описанное в работах научной школы [21]:

«Сквозь туман, застилающий глаза, он целится, стреляет в ответ; падает и Дантес; “славный выстрел”, – **смеется поэт**» [16].

«Володенька на крыльцо вышел, ручкой эдак **надменно махнул**: “Всяк сверчок знай свой шесток!” – высказался. – “Проходите!.. Ходоки нашлись...”» (Там же).

Установка на изображение устной разговорной речи раскрывается не только включением в прямую речь стилистически сниженных лексем, но и элиминацией предиката говорения:

«Володенька дознался, пришел в детскую такой важный, серьезный, и ну сразу: “А властями дозволено? А нет ли противуречия порядку в Отечестве? А не усматривается ли самоволие?” И тоже вроде в шутку, а в голосишке-то металл...» (Там же).

Лингвисты, наряду с КПР, выделяют такой способ передачи ЧР, как свободная прямая речь. Ее модель также двучастна, однако, даже при использовании традиционной пунктуационно-графической аранжировки КПР свободная прямая речь не претендует на буквальность, точность передачи чужого слова. Об этом свидетельствует использование формы множественного числа 3 лица в словах автора (1). В анализируемом рассказе свободная прямая речь неоднократно используется для описания типичных, повторяющихся ситуаций (2), создания узнаваемых интертекстуальных отсылок, выражения субъективной авторской модальности (3):

(1) «“Пушкин исписался”, – **щебечут** дамы, старея и оплывая» (Там же).

(2) «Купил дачу в Финляндии, нет чтобы воздухом дышать да в заливе дрызгаться, – ездил без толку туда-сюда, туда-сюда, а то на паровоз просился: дайте прокатиться» (Там же).

(3) «И веер подаст, и моську погладит, и чепчик расхвалит: с каким, дескать вкусом кружевца подбраны, очень, очень к лицу!» (Там же).

Свободная прямая речь содержит сигналы передачи ЧР, но ее форма демонстрирует вариативность, дезавуирует точность, выражает иронию.

Другая функция свободной прямой речи – это выражение стереотипной информации, при передаче которой отсутствует установка на достоверность, высказывается общее положение, не имеющее конкретного говорящего:

«Слухи о дуэли разносятся быстро: Дантес убит, Пушкин ранен в грудь» [16].

Использование этого способа передачи чужой речи способствует созданию модальных сдвигов в плане реальности/ирреальности.

Слова автора могут быть помещены в отдельном предложении. Их отрыв обусловлен типизацией, свободой сюжета, иллюзией развертывания самопорождающегося мифа:

«В Зимнем любили, когда он, бывало, попросит аудиенции и стоит навтыжку у дверей кабинета <...>. “Опять наш Ильич прожекты принес! Ну, показывай, что у тебя там?” Смеялись, но по-доброму» (Там же).

Анализ приведенных примеров убеждает в том, что выбор свободной прямой речи в тексте Толстой выполняет ряд функций: создание эстетической условности, выражение модальных сдвигов в плане реальности/ирреальности.

Не менее интересна пунктуационно-графическая аранжировка другого собственно синтаксического способа передачи ЧР – диалогического единства (ДЕ), являющегося минимальной синтаксической единицей диалога и состоящей минимум из двух реплик. В рассказе Толстой ДЕ и их пунктуационно-графическая аранжировка регулярно нарушают традиционные читательские ожидания. Реплики диалога, передающие внутреннюю речь раненого поэта, являются преимущественно некомментируемыми:

«...что ты шьешь, калмычка?» – «Портка». – «Кому?» – «Себя» (Там же).

«...Что ты там строишь, кому?» – «Это, барин, дом казенный, Александровский централ» (Там же).

Такие фрагменты справедливо квалифицировать как внутреннюю несобственно-авторскую речь в диалогизированной форме, так как и говорящий, и слушающий являются одним лицом:

«Молодой Тютчев неплох, хоть и холодноват. Кто еще пишет стихи? Никто» (Там же).

Внутренняя речь в форме ДЕ отражает поток сознания, поэтому претерпевает изменения пунктуационно-графической аранжировки.

Отдельного рассмотрения требует и несобственно-прямая речь (НПР), которая представляет собой стилистическое явление. Исследователи дифференцируют несобственно-авторскую и несобственно-персонажную речь [14]. Назначение НПР заключается в совмещении в рамках одного высказывания или текстового фрагмента речевых сфер повествователя и персонажа. В ней могут также обнаруживаться сигналы авторского голоса внутри персонажной речи. НПР, в отличие от синтаксических способов передачи ЧР, не имеет языковой стабилизации, компоненты ЧР могут быть различными по объему: от словоформы до текстового фрагмента. Именно поэтому анализ НПР замыкается на одном высказывании, для ее интерпре-

графической аранжировки, анализ композиционно-речевых автономий в тексте и речевого поведения автора и персонажей) становится возможным понимание образов автора и персонажа в художественном произведении. Толстая рассчитывает на то, что современный читатель осознает потенциал разных способов передачи ЧР, предлагая ему удивительную полифоничную игру, пронизанную интертекстуальными отсылками. Развивая потенциал этих способов, автор создает взаимоналожение композиционно-речевых автономий, усложняет восприятие текста. С этой же установкой, вероятно, связан синкретизм известных способов передачи ЧР и изменение их традиционной пунктуационно-графической аранжировки. Смена ликов повествователя, нарушение границ речевых сфер и отсутствие их маркирования позволяет Толстой моделировать поток сознания, создавать модальные сдвиги в плане реальности/ирреальности, выражать иронию, создавать образы персонажей.

Подводя итог, необходимо сказать, что анализ специфики представления ЧР в рассказе Толстой «Сюжет» демонстрирует, что, моделируя пушкинский миф, автор создает два противоположных образа – комический образ Ульянова, в котором подчеркивается подростковость, и трагикомический образ Пушкина, который в сознании читателей остается великим и незабвенным.

Литература

1. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – Москва : Высшая школа, 1990. – 168 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
3. Бабенко, Н. Г. Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабенко Н. Г. – Санкт-Петербург, 2008. – 48 с.
4. Виноградов, В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва, 1980. – 360 с.
5. Грудина, М. В. Чужая речь в романах И. С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне»: коммуникативно-текстообразовательный аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Грудина М. В. – Санкт-Петербург, 2009. – 32 с.
6. Зунделович, Я. О. Сюжет / Я. О. Зунделович // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / Под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехина-Ветринского. – Москва ; Ленинград : Издательство Л. Д. Френкель, 1925. – URL: <https://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-8991.htm?cmd=p&istext=1> (дата обращения: 02.06.2024). – Текст : электронный.
7. Иванова, Н. Б. Русский крест: Литература и читатель в начале нового века / Н. Б. Иванова. – Москва, 2011. – 380 с.
8. Ильенко, С. Г. Русистика: избранные труды / С. Г. Ильенко. – Санкт-Петербург : РГПУ имени А. И. Герцена, 2003. – 674 с.
9. Кокухов, В. И. Прямая и косвенная речь / В. И. Кокухов. – Ленинград : Учпедгиз, 1956. – 84 с.
10. Кузнецов, И. В. Речевые автономии текста: обречение и утрата маркирования / И. В. Кузнецов, Н. В. Максимова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 2 (101). – С. 59–69.
11. Мартыанова, И. А. Синтаксическая интерпретация современного прозаического дискурса / И. А. Мартыанова. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ имени А. И. Герцена, 2021. – 112 с.
12. Новикова, Э. Г. Конвергенция речевых художественных приемов в малой прозе Т. Толстой / Э. Г. Новикова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 390. – С. 26–34.
13. Современная русская литература конца XX – начала XXI века / под редакцией С. И. Тиминой. – Москва, 2011. – 384 с.
14. Соколова, Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория / Л. А. Соколова. – Томск : Издательство Томского университета, 1968. – 281 с.
15. Толстая, Т. Н. Интервью / Т. Н. Толстая // Литературная газета. – 1986. – 23 июля. – С. 6.
16. Толстая, Т. Сюжет / Т. Толстая. – URL: <https://www.tema.ru/tt/litcafe/tolstaya/suzhet.html> (дата обращения: 02.06.2024). – Текст : электронный.
17. Фролова, Т. Г. Рассказы Т. Н. Толстой. К проблеме метафорического стиля / Т. Г. Фролова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2012. – № 2. – С. 75–80.
18. Черняк, М. А. Современная русская литература : учебное пособие / М. А. Черняк. – Санкт-Петербург ; Москва : САГА : ФОРУМ, 2004. – 336 с.
19. Черняк, В. Д. Современная речь в зеркале прозы последних лет / В. Д. Черняк // Лингвистика. Семиотика. Поэтика. – Ставрополь, 2014. – С. 47–52.
20. Черняк, В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века / В. Д. Черняк // Современная русская литература конца XX – начала XXI века / под редакцией С. И. Тиминой. – Москва, 2011. – С. 283–303.
21. Чиркова, Н. И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте : на материале романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чиркова Н. И. – Санкт-Петербург, 1992. – 19 с.
22. Щукина, Д. А. Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста) / Д. А. Щукина. – Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2019. – 158 с.
23. Шмелева, Т. В. Визуализация синтаксиса / Т. В. Шмелева // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 339–347.

V.N. Tkacheva

“THE PUSHKIN MYTH ” IN MODERN PROSE: REPRESENTATION OF SOMEONE ELSE'S SPEECH

The article identifies the factors of complex use of ways of transferring other people's speech. The dominance of free direct speech and non-direct speech in T. Tolstaya's short story *The Plot* is examined. The interaction of compositional and speech spheres of the author and character in the modern text is considered.

Modern prose, someone else's speech, direct speech construction, dialogic unity, non-direct speech, compositional and speech autonomies, the Pushkin myth.